
В статье приводится анализ традиционного воспитания тувинцев, закреплённый в народных пословицах и поговорках. Особое внимание уделено роли отца, мужчины в семье.

Отражение отца в тувинском фольклоре

Ая Михайловна Салчак

старший преподаватель
кафедры психологии
Тувинского госуниверситета

• отец • мужчина • воспитание • семья • маль-
чики • девочки

Воспитание детей в тувинской семье традиционно шло ненавязчиво, а мировоззренческие взгляды вносились в сознание детей естественным образом — через лёгкие напутствия, пословицы, поговорки, сказки и т.д. Следует сказать, что в них заключалось глубоко философское содержание, основанное на жизненном опыте многих поколений людей. Основными воспитателями, естественно, являлись родители, однако, поскольку тувинская семья была в основном патриархальной, т.е. молодое и среднее поколение проживало вместе со старыми людьми, в воспитании детей немалую, а возможно, и главную роль играли именно они. К советам, да и просто к разговорам взрослых членов семьи всегда прислушивались. Роль матери и отца не умалялась, более того, ответственность за воспитание детей лежала именно на них. Так, по неписаным правилам воспитание девочки было обязанностью матери, а воспитанием сына должен был заниматься отец. За оплошность в воспитании детей ответственность несли родители, а не бабушка или дедушка. Нерадивую дочь сравнивали с матерью, сына — с отцом, имея в виду то, что именно они не дали должного воспитания своему ребёнку, хотя, впрочем, осуждению подвергались не только родители, но и вся семья, и даже род. С другой стороны, примерных и воспитанных детей также сравнивали с родными людьми. По этой причине с малых лет тувинцы старались научить своих детей заботиться не только о своей репутации, но и чести своей семьи: **Ады өлүрүнүн орнунга, боду өлгенидээрэ** — «Лучше самому умереть, чем имени чести умереть» или **Ады өлүрүнүн орнунга аьды өлгени дээрэ** — «Лучше коню погибнуть, чем имени хозяина умереть опозориться» [2].

Что касается воспитания мальчиков, то в нём тоже имелись свои особенности. Мальчиков соответственно обучали мужским занятиям — для начала трёх-четырёхлетних детей учили садиться верхом на лошадей, поскольку жизнь мужчины-кочевника невозможно представить без коня. Семи-восемилетние мальчики были уже достаточно опытными пастухами мелкого рогатого скота. Постепенно отцы брали их на более сложные формы выпаса скота, к примеру, табуна, на охоту, на обработку или орошение полей, на постройку хозяйственных зданий, на заготовку дров и т.д. Таким образом, родители не только на словах, а на живом примере обучали детей труду. Любую работу надо было выполнять не только быстро, но и качественно: **Экидарганэргээнкакпас, уран кысудазынгаораашпас** — «Хороший кузнец по пальцу своему не ударит, умелица в нитке не запутается». Спешка может привести к курьёзной ситуации: **Далашкан-күскесүткөдүжер** — «Спешащая мышь в молоко угодит» [1].

Одним из самых главных недостатков мужчины также считалась лень, поскольку при кочевом образе жизни именно от его работоспособности зависело благополучие семьи. Как было выше сказано, мальчиков уже с 4–5-летнего возраста учили ездить верхом, пасти мелкий рогатый скот. Однако при выполнении ежедневных работ, таких как рубка дров, очистка загона для скота, ходьба за водой и пр., мальчики могли проявлять пассивность, нежелание это делать. Родители в этом случае также использовали пословицы и поговорки относительно плохих последствий лени, например: **Биче чалгаа улуг чалгаага чедер** — «Маленькая лень к большой лени приведёт» или: **Чалгаа кижиге бажым дээр, чазый кижиге сукса дым-дээр** — «Ленивый на боль головную жалуется, обжора — на жажду». Хотя эти выражения касались всех, однако чаще всего их использовали при проявлении лени именно у мальчиков. Причину бедности хозяйства тувинцы в основном видели в лени хозяина. Про такого мужчину могло быть сказано, к примеру, такое: **Аргажок чалгаа чүве** — «Ленивое [существо] до невозможности». В этом «существо» для тувинского слуха слышался оттенок пренебрежения — не просто «ленивый человек», а презрительное — «некто ленивое» [1].

Мужчине подобало также быть сдержанным в поведении, ответственным за свои поступки, в целом надёжным человеком. Такое выражение, как **Улугнуулуг, бичени биче деп билир кижиге** — «Знающий, кто есть стар, кто есть млад», относилось именно к мужчине и обозначало, что человек адекватен, ровен с окружающими людьми, честен, уравновешен и т.д. Такому качеству, как надёжность мужчины, тувинцы придавали большое значение, и следующие поговорки родители обычно говорили своим сыновьям, чтобы взрастить в них это чувство: **Эжишкилер найыралы эртине дагны тургузар** — «Дружба друзей может драгоценную гору возвести» или: **Эртине шыгжаарындан, эдержириниң эви херек** — «Чем драгоценность [в пазухе] держать, лучше узы дружбы крепить» [3].

Мальчиков учили также не быть дурными, не хвалиться физической силой, не быть пустословами: **Хөөрем чорук көвүкыш каш** — «Бахвальство — что пена» или: **Туразыулуг, дуртукыска** — «Чванства — много, росту — мало», **Күштүг мен дээш, хөрээңчайба** — «Не невыпачивай грудь, что силён» и т.д. Про мужчин, поведение которых не соответствовало, например, их возрасту, говорили: **Эр угаанычок** — «Не имеющий мужского ума». О том, есть у человека такой ум или нет, начинали судить уже с подросткового возраста. Мужчина, удостоенный такой нелестной характеристики, как отсутствие мужского ума, естественно, не был примером для мальчиков, и родители могли привести его в качестве отрицательного примера, на кого нельзя быть похожим. Говоря о мужском воспитании, следует сказать, что у тувинцев, как, впрочем, и во всех традиционных обществах, слово отца в семье было весомым, как правило, достаточно было лишь одного его слова [4].

Все эти методы воспитания касались поведения детей и подростков в семье и обществе. Однако тувинцы должны были придерживаться определённых правил, находясь и на природе, поскольку большую часть своей жизни, как кочевники, особенно мужчины, проводили в естественной природной среде. Одним из первых уроков бережного отношения к природе для маленьких детей был запрет без надобности рвать растительность. Говорилось, что, сорвав, к примеру, цветок подорожника,

можно вызвать непогоду, дождь. Затем объясняли, что нельзя без надобности ломать ветки, рубить дерево. Детям также объясняли, что нельзя, например, загрязнять источник воды, реку, вообще воду. Бережно надо было относиться и к живой природе. Так, детям запрещалось трогать птичьи гнёзда, говоря, что если дотронуться до птенцов, то мать, учуяв запах человека, уже не вернётся к ним. Запрещалось также рыть норки животных. Этими наставлениями тувинцы возвращали в детях чувство сострадания, жалости к живым существам. Нельзя было небрежно обращаться и с некоторыми неодушевлёнными предметами. Так, детям запрещалось трогать белый камень, говоря, что если играть с ним, то у матери могут заболеть груди, и т.д. Такого рода разговоры были самыми первыми уроками общения с природой маленьких детей. Следует сказать, что это были не единичные случаи, а общепринятые в тувинском обществе правила приучения детей к живой природе и этикету поведения в естественной среде. Подрастая, дети учились и более сложным понятиям [2].

Сохранять естественную среду тувинцы должны были ещё и потому, что жизнь их напрямую зависела от природы. Все её явления — дождь, снег, ветер, рост трав, засуха и пр. влияли на их жизнь, поэтому она была живой. Все её значимые объекты — горные перевалы, горы, тайга, водные источники имели своих хозяев, которых люди должны были не просто уважать, но и уважить, оказав то или иное внимание. Например, при пересечении местности это могло быть небольшим подношением, к примеру, хозяину перевала или реки. В качестве дара обычно привязывали ленточки или небольшие кусочки ткани — **чалама** на дерево или шест на сакральном возвышении **оваа** [5].

Тувинские мужчины, в сравнении с женщинами, больше находились на природе, и правил, которые они должны были соблюдать, возможно, было ещё больше. Так, при рубке дерева необходимо было перед ним объясниться, что надобность (например, чтобы построить загон или детали юрты) заставляет человека это сделать, при этом проговаривалось, что дерево обязательно снова вырастет, например:

Чок болуп читпес сен — не исчезнешь навсегда,

Чочагайын үнүп кээр — вырастут твои почки (почки на дереве).

Будучи на охоте, также объяснялись перед хозяином тайги, что не желание обогатиться, а всего лишь чтобы прокормить семью пришёл он в тайгу. Находясь в тайге, нельзя было, например, стрелять в оленя, рога у которого имели 12 и более ответвлений или имеющего их нечётное количество. Считалось, что в таком облике мог проявиться хозяин тайги. По этой же причине нельзя было стрелять в животное альбиноса. Категорически запрещалось убивать любую самку, ожидающей или имеющей детеныша. Мужчинам нельзя было убивать также птиц. Азы такого мужского поведения мальчики не просто видели, им объясняли, зачем и почему так делается. Эти правила прививались тувинцу с раннего детства, поэтому природа Тувы до середины XX в. сохранялась в первозданном виде [2].

В традиционном тувинском обществе воспитанием детей занимались не только на основе жизненного опыта, но и духовных знаний. Особой проблемы, связанной с воспитанием детей не существовало, поскольку кочевой образ жизни, требующий мобильности и собранности в быту, не позволял в целом человеку быть ленивым. Проблемы же в воспитании возникают, как известно, при отсутствии занятости ребёнка. Жизнь кочевника была полна ежедневных хлопот, к отдельным видам работ детей приучали уже с малых лет, постепенно втягивая их в полный рабочий цикл [5].

Список использованных источников:

1. Тыва үлгердомактар, чеченсестер. Тувинские пословицы и поговорки. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1966. — С. 175.
2. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. — С. 103 — 107.
3. Ламажаа Ч.К. Тува между прошлым и будущим. — М.: Восход-А, 2008. — С. 26 — 50.
4. Мышлявцев Б.А. Тувинская женщина в традиционном и современном обществе. Рукопись автора, 2001. — С. 62 — 70.
5. Каррутерс Д. Неведомая Монголия // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века). — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. — С. 54 — 60.